

блюдения (Алексей) и его объект (Петр) становятся сложным объектом наблюдения второго субъекта (Меншикова). Объединенные в одном абзаце, позиции двух субъектов создают кинематографичный по своей сути диалог точек зрения, когда непримиримость позиций персонажей изображается как показ наблюдаемого/ ненаблюдаемого:

Входит Алексей, увидел лицо больного отца. Петр кажется мертвым. Затаенная улыбка радости кривит лицо царевича. Обернулся Меншиков, смотрит на Алексея с ненавистью.

(А. Толстой, В. Петров, П. Лещенко «Петр I»)

Выводы.

Таким образом, композиционно-синтаксическая организация сценарного текста обнаруживает свои динамические свойства в свертывании/развертывании поля зрения, в смещении текстовой перспективы в сторону субъекта или объекта наблюдения, в смене субъектно-объектных позиций, в разнообразных способах изображения имманентной кино физической динамики. Текст киносценария в целом, а не только на уровне высказывания или фрагмента предназначен для изображения динамической ситуации наблюдения. Тем не менее, в нем очень многое остается «за кадром», существует как ненаблюдаемое, которое парадоксальным образом становится художественно значимым в результате наблюдения [9, с. 88–95]. Не только в фильме, но и в сценарии

ненаблюдаемое опосредовано границами «черного квадрата» экрана, как в театре – границами сцены.

Литература

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М., 1974.
2. Апресян, Ю. Д. Синонимия ментальных предикатов: группа «считать» / Ю. Д. Апресян // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М., 1993. С. 7–22.
3. Вежбицка, А. Восприятие: семантика абстрактного словаря / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIII. – М., 1986.
4. Ильенко, С. Г. Русистика / С. Г. Ильенко. – СПб., 2003.
5. Караулов, Ю. Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности / Ю. Н. Караулов. – М., 1992.
6. Комлев, Н. Г. Слово в речи: денотативные аспекты. – М., 1992.
7. Лексико-семантические группы русских глаголов: Учебный словарь-справочник. – Свердловск, 1988.
8. Лотман, Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. М. Лотман. – Таллин, 1973.
9. Мартыанова, И. А. Текстобразующая роль киносценария в ретрансляции русской культуры / И. А. Мартыанова. – СПб., 2014.
10. Михалков-Кончаловский, А. Сотворение мира. Монтаж / А. Михалков-Кончаловский // Искусство кино. – 1977. – № 6. – С. 93–102.
11. Успенский, Б. А. Поэтика композиции / Б. А. Успенский. – М., 1970.

УДК 811.161.1: 82-14

А. В. Петров

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова

ГЛАГОЛЬНЫЕ ДЕФИСНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПОЭЗИИ ОЛЬГИ ФОКИНОЙ

В статье характеризуются глагольные дефисные конструкции как яркое выразительное средство, активно использующееся в самобытной поэзии Ольги Фокиной и приближающее ее к спонтанной разговорной речи.

Разговорный синтаксис, глагольные дефисные конструкции, синонимы, антонимы.

The article characterizes verbal hyphenated constructions as a remarkable expression tool widely used in Olga Fokina's original poetry. It makes poetry similar to spontaneous colloquial speech.

Colloquial syntax, verbal hyphenated constructions, synonyms, antonyms.

Введение.

Язык поэзии Ольги Александровны Фокиной максимально приближен к непосредственной, спонтанной разговорной речи, поэтому не случайно излюбленным синтаксическим выразительным средством самобытной северной поэтессы являются многочисленные и разнообразные дефисные конструкции, которые активно употребляются в разговорном синтаксисе. Их использование открывает немалые возможности для яркой, точной и образной характеристики различных объектов поэтического описания.

В наших работах мы уже обращали внимание на употребление в поэтическом контексте О. А. Фокиной индивидуально-авторских аппозитивов (*тишь-разлив, город-асфальт, пух-снегопад*), ассоциативных сочетаний (*сталь-железо, песня-сказ, хоромы-терема*), признаков дефисных конструкций (*озорное-вредное, широка-долга, студено-бело*) [1], [2]. Предметом описания данной статьи являются глагольные дефисные конструкции, которые обозначают «сложносоставное» действие либо «как неразделяемое единство двух сходных, близких и полностью совмещающихся действий» (*пляши-скачи, хожу-*

брожу), либо «как единство двух разных действий» [3, с. 46] (*бегу-собираю, ходит-мерзнет*).

Основная часть.

В фокинском контексте активно употребляются «сложносоставные» глаголы в различных формах – инфинитива совершенного вида: *купить-приобрести, вспахать-скосить, согнуть-разогнуть*; несовершенного вида: *ныть-стонать, чернеть-холодеть, биться-бороться*; повелительного наклонения единственного числа: *пойми-пусти, рой-взрывай, жни-вяжи*; множественного числа: *хватите-радуйтесь*; настоящего времени 1 лица: *иду-бреду, торим-мостим, кормим-питаем*; 2 лица: *спишь-дремлешь, шумишь-колоколишь*; 3 лица: *спит-бдит, дыбится-лохматится, рвутся-торопятся*; будущего времени 1 лица: *разгоню-раззадорю, бросим-оставим*; 3 лица: *вскинет-подымет, разберёт-прочтёт, вспашут-посеют*; прошедшего времени мужского рода: *будил-подымал, вибрировал-дрожал*; женского рода: *росла-стояла, кидала-роняла*; среднего рода: *заилось-залалялось, убиралось-косилось*; множественного числа: *пели-звенели, помечтали-подумали*.

Чаще всего возвратные формы сочетаются с аналогичными, однако встречаются случаи несовпадения: *стукнет-торкнется, сбежали-скатились, хватите-радуйтесь, метать-торопиться, сыплю-радуюсь, журчат-струиться*. Разновидовые и разновременные сочетания в контексте поэзии О. Фокиной нам не встретились.

Дефисную конструкцию составляет сочетание двух глаголов, лишь в одном случае представлена последовательность трех действий, формирующих сложносоставный процесс: *Ей-богу без потерь / И без приобретений... / Пришел-побыл-ушел!* («Тюльпаны в январе...»).

Используются в фокинском контексте экспрессивные устойчивые глагольные сочетания, частотные в разговорной речи: *Намеревалась / Холить-лелеять...* («Перевалило...»); *Жила-поживала, / Добра наживала...* («Стали жить-поживать...»); *Прости-прощай, Корнилово! / Что плакать? Грусти нет* («Прости-прощай, Корнилово!...»); *Ни охнуть-вздохнуть ей, ни чем шевельнуть* («Я помню соседей по тем временам...»); *Что мы пьем-едим, / Разглядеть нельзя: / От лучины дым / Выедал глаза* («Упаду на стог...»); *По приказу бессилых / Не кидайтесь крушить, / Что поило-кормило / И позволило жить* («Все ж и есть так, как было...»). Однако чаще всего можно обнаружить индивидуально-авторские образования, которые представляют наибольший интерес для исследования.

В подавляющем большинстве случаев глагольные дефисные конструкции выступают в функции предиката, иная синтаксическая роль встречается единично: *...А над лесной малиной – пчелы, / Не разбери-пойми галдёж!* («Уже июнь – за половину...»); *Мне чуждо желанье купить-приобрести...* («Мне чуждо желанье купить-приобрести...») – атрибутивные сочетания; *Отпусти сорваться-покатиться, / Умереть – и заново родиться...* («Яблочку на ветке не

сидится...»); *Без зова-плаката шагнет за порог / Обдумать-оплакать никчемность дорог...* («Поворот»); *Спасибо сыночку, / Что спать не давал, / Что каждую ночь / Будил-подымал / Запеленать, / Обнять-согреть...* («Спасибо бывшему...») – обстоятельство; *Бригадир велел косить-возить, / Чистить ямы да силос грузить* («Время – еле за полночь-ку...») – объект; *А топить утром стану печь, / И всплакну (извини-прости!), / Что не дожил Иванович / До родительской радости...* («Из письма матери») – вставная конструкция.

В составном сказуемом: – *Стой-постой, – говорю, – брат, / На себя, на страну врать!* («– А зачем, – говорит брат...») – вспомогательная часть, выражающая модальность предиката; *Нет, биться-бороться придется самой!* («Светлейшее утро ноябрьской поры...»); *День Крещения. Не моги / Ныть-стонать: «не нравится!»..* («Мало снега: стоял он...») – инфинитивная часть при модальном компоненте; *Как пошла дробить-порхать, / Из толпы за-вербовала / Аж четыре жениха!* («Воскресенье – день баской!...»); *Ночь торопится чернеть-холодеть* («Написала письмецо, да отправлю ли?...») – инфинитивная часть при фазовом компоненте.

Не редко глагольные дефисные конструкции включаются в ряд однородных предикатов, передавая динамику речи, организуя особый стихотворный строй: *...Жну-вяжу, в суслоны ставлю, / Молочу, сушу, храню / До весны* («Скрипка – струны, речке – струи...»); *От назойливого гнуса / Нет защиты лучше той: / Шевелись, не жди укусов, / Жни-вяжи, да песню пой!* («Скрипка – струны, речке – струи...»); *На улице снег: / Идет и не тает, / Несет и валит, / Метет-заметает, / Морозит-знобит...* («Метет и морозит...»); или сами формируют выразительные однородные ряды: *На лугах-то – машины, / На полях-то – комбайны. / Они вспашут-посеют, / Собирут-обмолотят* («Дорогие соседи...»); *Днем бегу-собираю, / Ночью чищу-варю* («Июль 1985 года»); *Хожу-брожу, топчусь-кружу, / Беря малину дику...* («Зову, зову подругу в лес...»); *Что искать-перелистывать, / Рыть-лопатить искателям?* («Мне себя выгораживать...»); *Уж я печку калю-топлю, / Две постельки пушу-стелю* («Об одном походе»).

Среди сложносоставных глаголов, обозначающих сходное действие, прежде всего выделяются сочетания однокоренных приставочных / бесприставочных слов, при этом подчеркивается размеренность, длительность процесса: *Пой-напевай, / Что уж теперь! / Нет у меня / Веры тебе* («Что же теперь?...»); *Растет-подрастает сосулька, / Все корпусней день ото дня...* («Минутками день прибывает...»); *Жду-пожду, а все не видно вот / Выходного ни единого!* («Время – еле за полночь-ку...»); а также решительность, категоричность действия: *Села-высела на золото / Мыта-молота песка* («Это что же получается?...»). Эффектно поэтесса использует варианты корня – полногласный и неполногласный – различающиеся стилистически и семантически: *Гласит-голосит / Придти на концерт* («Годики у крали...»)

– речь идет о яркой афише, которая настойчиво извещает о концерте.

Однокоренные приставочные глаголы с префиксами противоположной семантики формируют пары-антонимы, выразительно характеризующие определенные состояния окружающей среды: *По травам, по глинам / Сплелись-расплелись* – / *Так много тропинок, / Сбегающих вниз!* («Меж сосен, меж елок...»); *Вот ветер летит: он колышет вершины, / Пытается ветви согнуть-разогнуть...* («Вот ветер летит: он колышет вершины...»). Следует отметить, антонимические отношения мало характерны для глагольных дефисных конструкций в фокинском контексте, нам встретились еще только три подобных сочетания, которые представляют череду противоположных действий: *В силу привычки / Мне не пиши: / Чувства – не спички: / Чиркай-туши* («В силу привычки...»); *Уж не иначе, как с ружьем, / Спит-бдит земли работник...* («Давайте не пережужим!...»); *Взблескивали гитары, / Тлел-пламенел экран* («Об одном концерте»).

Единство сходных, близких действий, «слияние их в одно сложное действие» [3, с. 46] достигается сочетанием синонимичных глаголов, при этом выделяются абсолютные синонимы: *Извини-прости*. / *Губы да ладони больше счастья / Могут унести* («С каждым человеком, уходящим...»); *Через поляну / Перекинь-перебрось, / Легкий кол, меня!* («Все мечты о тебе...»); *Всею силою плеча / Жму-давлю на стоп-рычаг...* («Все на рельсы: подвиг ратный...»).

В поэзии О. Фокиной можно обнаружить разнообразие стилистических синонимов, представляющих сочетание глаголов: нейтральных и книжных: *И кормит-питает / Их, гибких-высоких, / Бессменно и мощно, / Как сердце-насос?* («Они – и с листьями!...»); *Уж так вибрировал-дрожал / В листьях-цветах сокрытым горлышком...* («Уж так вибрировал-дрожал...»); нейтральных и разговорных: *И дотемна в лесу одна / Хожу-брожу с ведерком я* («Зову, зову подружку в лес...»); *И вот иду-бреду по перелескам...* («В девственном лесу»); разговорных и просторечных: *Грохает-бухает рама открытая* («Снова зима свою силушку пробует...»); *Проломить-прошибить / Сможешь – награву!* («У тебя нынче – пир...»).

С помощью нейтральных синонимов поясняется значение диалектизмов: *Стукнет-торкнется в стенку, в дно / И потянется за окно* («Пересаживаю цветы...»); *Зыкала-трубила: / «Оставляй работу!..»* («...А у нас корова...»); или окказионализма: *Что шумишь-колоколишь без надобы?* («Что шумишь-колоколишь без надобы?..»).

Чаще всего в поэзии Ольги Фокиной встречаются идеографические синонимы, формирующие образные дефисные конструкции из глаголов, различающихся оттенками значений, среди которых можно выделить сочетания, выражающие:

1) конкретные действия человека, их возможное варьирование: *Как в пол, стучи / В сугробный пласт, / Пляши-скачи – / Не треснет наст!* («Воскресный парк...»); *И ствол спилили-срезали – / Теперь поди поставь его!* («...А государство валится...»); *Кто тебя срезал-выломал?* («Где ты, моя грустиночка...»);

2) одновременность сходных действий человека: *Куда, хозяин? Неужли?.. / Но – чешет за ушами, / Но – гладит-водит по хребту / Знакомую ладонью* («...И вот, с веревкой на рогах...»); *Кто на полатах / Играющим братьям / Вскинет-подымет?* («Печное»); *В бороздах, должно, вода. / Освежусь-ополоснусь – / За жнитво опять возьмусь* («Малина твоя...»);

3) страдательные конструкции, выражающие конкретные действия, поясняющие друг друга: *Но меж моим и любимым окном / Строится-ставится каменный дом* («Крепнут морозы, сужается тьма...»); *Тут все убиралось-косилось: / В июне – угоры на силос, / В июле – на сено – луга* («На севере солнышко – в милость...»);

4) действия, выражающие природные процессы: *И легок и беспечен, / Снежок летит-валит* («Хороший зимний вечер...»); *Вот откуда несло-натягало / На малинки горьким дымком* («Малина твоя...»);

5) сочетания, выражающие психофизическое состояние человека: *Спишь-дремлешь до утра, / А все идет зарплата...* («Беда, ей-богу, бабе...»); *Крутит-вьет – дела плохи. / Осподи, с чего бы / Эдаки хворобы?* («Малина твоя...»);

6) абстрактные, отвлеченные действия человека, совместимые друг с другом: *Не спеша, не торопясь отмеряй-взвесь: / Не закиснет ли родная мери-весь?* («Теоретики – тире – еретики!...»); *Взвесить-измерить былое, / Нынешний день осознать* («Здесь хорошо: одиноко...»); *Все в городе бросим-оставим, как есть...* («Приехать пораньше? Оно б хорошо...»); *...Проводила-отправила: / До избушки охотничьей / Километров не сотни, чай, – / Четверть сотни от силушки!* («Об одном походе»);

7) метафорически представленные действия человека: *Кручу-верчу слово мое / В утайке от подруг* («Кой день без всякой цели я...»); *Она, словно угли, которые жгли, / Кидала-роняла: / - Какие лошади?!* («Однажды в июльскую знойную пору...»); *И так разгоню-раззадору коньки, / Что юность вернется с повинною...* («Мне чуждо желанье купить-приобрести...»);

8) отвлеченные действия сил природы, неживых предметов: *У нее ли густота – / Дыбятся-лохматится!* («Уж я рано наряжу...») – о новогодней елке; *Потихоньку тает-вянет, / Дров запас – всего на год...* («Ох и тихо! Ух и глухо!...»); *И не жаль мне ни званица / Майских дней и ночей, / Что сбегали-скапались / Полой вешней водой...* («До чего же на улице...»); *Я ж – опять наравне / С тем апреликом, / Когда пели-звенели / Капли нам* («Все мечты о тебе...»);

9) сочетания глаголов на основе олицетворения: *Ноги рвутся-торопятся / Все вперед да вперед...* («До чего же на улице...»); *Пусть царствует-княжит / Достойно, не гордо* («Потешу собратьев...») – о брошке; *Зажмурясь, / Неуверенно / Шепнул-сказал: / – Я – дерево!* («Воскресный парк...»); *И само себе понравилось, / Страдовать-робить отпавилось* («Время – еле за полночь...») – о солнце; *Петь-журчать для них напрасно: / Не ус-*

лышат, не поймут («Поезд, стой! Помедли малость!..») – о роднике.

Единство двух разных действий в сложносоставном глаголе может выражать последовательность процессов с оттенком целевых отношений – между глаголами можно поставить союз *чтобы*, например: *Свиристель свистит: «Сорвись-катись! / Что тебе наскучившая ветка?»* («Яблочку на ветке не сидится...») – сорвись, чтобы катиться, цель – обрести свободу.

Последовательность конкретных действий: *Ничего не поносились / Дорогие сапоги! / Не с руки кроились-шились, / То ль носились не с ноги?»* («Сапоги»); *И пить-глотать* не кипяча, / Как с ледника, колючую... («Едва заглянет первый луч...»); *Хорохорюсь: мол, чего ради / Снимать-переменять?* («Было ношено, да брошено...»); *Ни встать-отряхнуться*, как елке в лесу («Я помню соседей по тем временам...»); *На тебя вчера – такое дело – / Чудо синеглазое глядело, / Рученьки тянуло: взять-сорвать!* («Яблочку на ветке не сидится...»).

Последовательность отвлеченных действий, возможен метафорический перенос: *Пути торим-мостим / До сути-истины* («Хлопочут с визами...»); *А мне присмотрит-подошлет / Родную половиночку...* («Зову, зову подругу в лес...»); *Песни о милом, что, вот, не любил он, / Снять-отряхнуть*, как сапог. *И – убежь!* («В области – облачно. Солнечно – в Сочи...»).

Второй глагол выражает процесс как результат предыдущего действия, выраженного первым глаголом: *В жерле звезды / Жгут бересты / Жгут-раскаляю* («Тихо на-нет...»); *Давит-мелет река / Льдины в крошево* («Все мечты о тебе...»); *Ветерной / Всю страсть на них обрушит! / Обоймет! / Погладит-исцелит!* («Посдираю...»); *И бересту в печи / подожду-засвечу, / И возьмусь за родную работу...* («А в деревне сейчас...»); *На бортах твоих мои письма / Разберет-прочтет он...* («Через Вологду – четыре моста...»).

В дефисных глагольных конструкциях могут устанавливаться причинно-следственные отношения: *Москва, пойми-пусти!* / Но у Москвы – стена («Хлопочут с визами...») – поймет, поэтому пустит; *Грядки, личный сенокос / Огорожей спас-обнес...* («Из «Восхода» активист...») – спас, потому что обнес; *Хоть бы ты не жил, / Слег-занемог!* («Печное») – слег, потому что занемог; *И кувыркается-согреваться / На остывающем песке...* («Когда на сердце одиноко...») – кувыркаться для того, чтобы согреться.

Конструкции, выражающие одновременность, совместимость действий, формирующих сложносоставной процесс:

1) субъект – человек: *Где-то там, в середине волока, / Ходит-мерзнет* возле елок он («Свидание»); *И землю, что к стопам его прилипла, / Он, павши, поцелует-обоймет...* («Практичные Америка, Европа...»); *Кто-то что-то славил-пел, / Кто-то дальше нас глядел* («Сели – вроде бы не в гроб...»); *В зелень твою – булавой с головой! – / Не охладиться-умыться, / Сделаться плещущей – тоже – волной, /*

Солью в воде раствориться... («Морюшко, морюшко! – морю шепчу...»);

2) субъект – неживой предмет (возможен метафорический перенос): *Вишь, заразлетались-посыпались* – какой куда да какой скорее! – сами себе хозяева! («Листопад») – о листьях; *Она давно росла-стояла / Вблизи тропинки полевой...* («Она давно росла-стояла...») – о березке; *Был город-асфальт, / Чернел-грохотал: / Пыль, копоть и газ, / Визг, скрежет и лязг* («Снегопад»); *Около – бесом мелким / Флейта тряслась-вилась* («Об одном концерте»); *И пела-летела* бадейка, / То дужкой сверкая, то дном («В безветрие»); *Чтобы баня не валилась, / Не косилась, не садилась, / Чтобы весело топились, / Грела-мыла сто годов...* («Истина»);

3) безличный субъект: *Закашлялось! Заилось-залаилось!* / мол, и не так еще смогу... («Уж так вибрировал-дрожал...») – о песне скворца; *Но сбилось-таки, случилось, / Получилось, привелось: / Прибежалось-прикатилось, / Распознательность-зажглось* («День за днем, за делом дело...»).

В глагольных дефисных конструкциях может быть выражено эмоциональное отношение к описываемому действию: *В наживе правда вся, / Дензнаки – идола! / Хватайте-радуйтесь!* («Мне не до цен в ларьке...»); *Влажно светится чернозем. / Я в кадушку его совком – / Снизу, сверху корней, кругом / Сыплю-радуюсь...* («Пересаживаю цветы...»); *Голосу долго / Звать-горевать: / – Сокол! Соколко! – / Волка погладь* («Смешаны в браке...»).

Часто подобные сочетания глаголов выражают разнообразие смежных процессов, характеризующих:

– профессиональную и хозяйственную деятельность человека: *Пусть в Китае ткут-прядут, / Мысля зарабатывать...* («Ну, Морозко, – молодец!..»); *Она с утра варит-печет...* («Решил он книгу написать...»); *Рой-взрывай, стирая грани!* («Поезд, стой! Помедли малость!..»); *Быются-стреляют / Где-то...* («Полюшко брани...»); – *И вспахать-скосить* старушкам, / Отказал ли хоть кому? («Так и умер: без упрека...»); *Я сама не слаба – и здоровье, и силу / Мне, ничуть не купаясь, мать-крестьянка дала, / Чтобы пряла-ткала, чтобы жала-косила, / Чтоб вязала снопы, чтобы сено гребла* («Я не просто грущу, я – в печали великой!..»);

– другие конкретные действия: *Все суставчики глажу-мажу, / Бубенец, отражатель тру* («Обожаю велосипеды!..»); *Поел да попил – и доволен, / Побегал-попрыгал – и спит* («Не ведаю, что это значит...»); *Воронье мои, ой вы ну ли! / Подхватили на пешем пути, / Поднесли-подвезли – и стряхнули, / И пропали – следов не найти!* («Воронье мои, ой вы ну ли!..»); – *У меня, дедок, – пожар! – / Я и то не разоряюсь. / Всё! Поехал-побежал!* («Из «Восхода» активист...»); *Сосал, как сахар, / Глины комок / И чмокал-ахал / Во весь роток...* («Печное»);

– процессы, формирующие состояние человека: *Шемит-щекочет / Угасишь нерв / Экран-наркотик – / Из перлов перл* («Опять скрежеснут...»); *Верится-чудится: солнце забудется / И не заснет за лесным бугорком...* («Дома»); *Да смутить-озадачить / Де-*

ревенских парней... («В темноте да наощупь...»); *И терпеть-зависеть* мне / От твоих туманов... («Не ищи беды-вины...»);

– ментальные действия и состояния: *Все мне грезятся-помнятся* / Наши дни-вечера («Сколько зим, сколько лет уже...»); *Думать-грезить*: скоро ль кто-нибудь / Вздумает на помощь заглянуть («Не крестила, не благословляла...»); *Поначалу* – на юморе / *Помечтали-подумали*, / Там – серьезно дополнили, / *Порешили-исполнили* («Об одном походе»);

– действия с оттенком модальности: *Он хотел-умел* лишь это: / Складно мыслить, быть поэтом! («Он хотел-умел лишь это...»); *Бдить-наставлять*, чтоб не пали / Да не расшибли сердца... («Время летит – не зачуркать!...»); *Знакомо* звал Пеструхой, – / Не сомневайся, мол, иди, – / *Солил-сулил* краюху («...И вот, с веревкой на рогах...»); *Им – метать-торопиться*: / Вёдро, слышь, не на год... («Июлю 1985 года»).

Выводы.

Итак, ярким выразительным средством в поэзии О. А. Фокиной выступают разнообразные дефисные

глагольные конструкции, позволяющие передать динамику разговорной речи, создать необычные образы, организовать оригинальный стихотворный ритм: *По льду метет-переметает*, / *А подо льдом – журчит-струит*, / *Покатым камешком играет*, / *Песчинки гладит-шевелит* («Я по тебе отгосковала...»); *Я тропу до крыльца / пробреду-протопчу*. / *Громко брякну кольцом на воротах*. / *И бересту в печи / подожгу-засвечу*, / *И возьмусь за родную работу*... («А в деревне сейчас...»).

Литература

1. Петров, А. В. Дефисные аппозитивы в поэзии Ольги Фокиной / А. В. Петров // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». – 2014. – № 4. – С. 31–35.
2. Петров, А. В. Дефисные конструкции как выразительное средство в поэзии Ольги Фокиной / А. В. Петров // Северный и Сибирский тексты русской литературы как сверткостексты: типологическое и уникальное: Сборник. – Архангельск, 2014. – С. 327–336.
3. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М., 2003.

УДК 821.16.1

Т. А. Пономарева

Московский педагогический государственный университет

КОНЦЕПТ «РОДИНА» В ЛИРИКЕ ДМ. КЕДРИНА

В статье раскрывается смысловое наполнение концепта «Родина» в лирике Дм. Кедрина. Рассматриваются понятийный уровень концепта, представленный образом «большой» Родины-России, аксиологический и эмоциональный, связанный с авторским отношением к родной стране. Национальный пейзаж, образы русской истории и русской культуры являются основой художественной картины мира поэта. Выделяется христианская составляющая национального менталитета.

Концепт, родина, картина мира, историческое сознание, национальный пейзаж, исторические реалии.

The article underlines the semantic content of the concept *homeland* in the lyrics of Dm. Kedrin. The notional level of the concept represented by the axiological and emotional image of the "great" Motherland-Russia associated with the author's attitude to his native country, is considered in the article. National landscape, images of Russian history and Russian culture are presented as the basis of artistic picture of the poet's world. Christian component of the national mentality is highlighted.

Concept, homeland, picture of the world, historical consciousness, national landscape, historical realities.

Введение.

Поэтическая судьба Дм. Кедрина (1907–1945) складывалась трудно. Единственная прижизненная книга «Свидетели», в которую вошло всего семнадцать стихотворений, была опубликована лишь в 1940 г., хотя печататься Кедрин начал в середине 1920-х гг. Многие его стихи стали известными только в эпоху поэтического бума 1960-х, когда автор исторических поэм и прекрасный лирик получил заслуженное признание.

Основная часть.

В центре художественной картины мира Кедрина – образ России, родной страны, не случайно сборник

стихов военных лет он назвал «Русские стихи». В русском языке содержание понятия *родная страна* связано с так называемой «патриотической триадой»: лексемами «родина», «отечество», «отчизна». При этом доминантной является «родина», наиболее многозначная и наиболее частотная смысловая структура. «Этимологически значение “родина” первично <...> и выступает основой для последующего метафорического переноса на страну гражданства – отечество. В значении “родная страна” слово “родина” впервые встречается у Гаврилы Державина в конце XVIII века» [4]. Концепт «Родина» относится к универсальным, так как он присутствует во всех этнокультурах. Интерес к этому ключевому слову в